

Елена Г. Задворная

Минский государственный лингвистический университет

ул. Захарова 21, 220034 Минск, Беларусь

Тел.: (375-17) 288 25 71

E-mail: zadvornyy@bsu.by

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ УКЛОНЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме реализации коммуникативных тактик уклонения от ответа на вопрос в научном дискурсе. В работе анализируются двенадцать таких тактик и предпринимаются попытки выявить различия между характеристиками этих тактик в научном общении и в других дискурсивных сферах; определить критерии интерпретации того или иного речевого хода как уклонения; проанализировать комплекс коммуникативно-прагматических факторов, способствующих либо, напротив, препятствующих реализации исследуемых тактик в научном общении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научный дискурс, тактики уклонения, вопрос, ответ, коммуникативная интенция, информационные потребности, эпистемическое состояние.

Специалисты в области лингвопрагматики и анализа дискурса насчитывают более десятка коммуникативных тактик уклонения от прямого и содержательного ответа на вопрос. При этом уклонение традиционно рассматривается как характерная черта речевого поведения политиков (см., например: Шейгал 2000; Шевчук 2004; Crystal 1995; Clayman, Heritage 2002; Jones 1992) и практически не анализируется в других коммуникативных сферах, в частности в научном дискурсе.

Между тем исследование данного типа речевых действий в научной коммуникации представляет немалый интерес. Во-первых, реальный содержательный анализ любого типа дискурса (в том числе, разумеется, и научного) в принципе малоэффективен без выявления коммуникативных установок участников речевого взаимодействия, определения факторов прагматического кон-

текста, обуславливающих специфику их речевого поведения, и анализа используемых ими коммуникативных стратегий и тактик. Во-вторых, применительно к научной коммуникации тактики уклонения представляют собой особенно привлекательный объект анализа в силу определенной прагматической парадоксальности их реализации. С одной стороны, ярко выраженная интеррогативность научного дискурса (по сути дела, любое научное исследование – и соответственно дискурсная фиксация его хода и результатов – представляет собой попытку предложить **ответ** на тот или иной **вопрос**, а развитие науки в целом – «смену вопросо-ответных ситуаций» (Рябцева 1989, с. 241)), эксплицитно представленная в жанре научной дискуссии, предполагает широкое использование различных типов ответных реактивных действий, в том числе и укло-

нений. С другой стороны, уклонение от ответа на вопрос противоречит фундаментальным интенциям научного дискурса, в числе которых справедливо выделяют интенцию на отстаивание своей точки зрения в процессе познания окружающего мира (см. Михайлова 1997, с. 95–95).

Приведенные соображения позволяют сформулировать целый ряд немаловажных вопросов: какие тактики уклонения используются в научной коммуникации и есть ли различия между набором и качественными характеристиками этих тактик в научном общении и в других дискурсивных сферах? На каких основаниях может строиться типология контекстов, содержащих тот или иной вид уклонения? Какие критерии должны использоваться при интерпретации того или иного речевого хода как уклонения? Какие факторы предопределяют использование тактик уклонения в научной коммуникации? Не ставя перед собой задачу ответить на все заданные вопросы, мы постараемся далее рассмотреть некоторые из поставленных проблем и наметить пути их решения.

Вначале приведем рабочий перечень тактик уклонения, фиксируя особенности их использования в научной коммуникации¹.

1. Игнорирование вопроса, т. е. отсутствие какого-либо ответа.

Использование данной тактики реализует некооперативную стратегию речевого поведения и обычно осуществляется на общем негативном эмоциональном фоне коммуникативного взаимодействия, см. в повседневной коммуникации:

(1) На кухню вышел сын. Он был уже одет в кожаную куртку.

– Ты куда? – спросила жена.

Ашк не ответил. Налил полную чашку сырой воды и выпил. Потом повернулся и ушел, хлопнув дверью (В. Токарева. Груда камней голубых).

Понятно, что в научной коммуникации, отличающейся высокой степенью кооперативности и максимальной редукцией эмоциональных компонентов общения, такая тактика практически не имеет шансов на реализацию; исключение составляют лишь ситуации, когда отвечающий получает целую серию вопросов, из которой он в принципе может выбрать «удобные» для себя вопросы и «не заметить» нежелательные.

2. Эксплицитный отказ отвечать (указание невозможности ответа).

В принципе данная тактика может реализоваться в двух вариантах, специфика которых обусловлена различиями в эпистемическом состоянии отвечающего. Во-первых, коммуникант может отказаться от ответа в ситуации, когда он обладает необходимой информацией или имеет определенное мнение по соответствующему вопросу, но не хочет (или считает, что не должен/не имеет права) отвечать – если, например, информация носит слишком личный, интимный характер, касается третьего лица, если прямой ответ может быть обидным для адресата и т. п. Подобные причины не являются релевантными для научной коммуникации (в отличие от политического и обыденно-разговорного дискурсов), поэтому данный вариант тактики уклонения для научного дискурса не характерен. Во-вторых, коммуникант

¹ Набор рассматриваемых далее тактик выделен нами ранее (Задворная 2002, с. 22–39) на основании анализа ряда названных выше работ, а также наших собственных наблюдений.

может прибегнуть к стратегии уклонения в ситуации, когда он не располагает нужной информацией (не имеет определенного мнения). Такой тип реализации анализируемой тактики представлен в научной коммуникации достаточно широко:

(2) – *Георгий Петрович, вы противопоставляете два пространства – пространство истории и пространство деятельности?*

– *Я вопрос ваш понимаю. Но я не знаю, как ответить и как правильно сказать, поэтому я сейчас пространство деятельности и пространство действия не различаю, не противопоставляю друг другу (Г. П. Щедровицкий. Перспективы и программы развития СМД-методологии).*

При этом схема «не отвечу, так как не знаю» зачастую требует расширения за счет введения мотивировки незнания (или отсутствия определенного мнения). Это понятно: признание в незнании, не сопровождаемое ссылкой на причины (обычно имеющие объективный характер), противоречит принципу позитивной самопрезентации говорящего и наносит урон его «лицу». Поэтому одним из наиболее широко представленных в научной коммуникации вариантов реализации анализируемой тактики является вербализация причины, по которой ответ не может быть дан. Самой распространенной разновидностью мотивировки в этих случаях, по нашим наблюдениям, является ссылка на то, что соответствующее явление не было «объектом нашего анализа», или на то, что исследование данного феномена «не входило в наши задачи», ср.:

(3) *Т. Д. Скрынникова: <...> Я хочу узнать, занимались ли Вы проблемой регионализации и самоидентификации тех территорий, которые мы называем Сибирью, есть ли такие исследования, насколько этот уровень иден-*

тификации актуален. Это одна часть вопроса. <...>

В. А. Ламин: На первую часть вопроса отвечаю: таких исследований в нашем институте не проводилось, мы только подступаем к этой проблеме. <...> (Байкальский регион и геополитика Центральной Азии...).

3. Признание релевантности вопроса при отсутствии ответа на него, ср.:

(4) *А. Пятигорский: Ты все-таки упорно считаешь, что, хотя в данном случае это и единый контекст, надо начинать с западной ситуации. А ты можешь это как-то обосновать? Если это было общим феноменом, почему надо начинать с Запада?*

И. Смирнов: Интересный вопрос (А. М. Пятигорский. О времени в себе. Шестидесятые годы – от Афин до ахинеи (Беседа с Игорем Смирновым)).

К примечательным особенностям данной тактики относится, во-первых, ее относительно редкое автономное применение: обычно она комбинируется с такими тактиками, как «эксплицитный отказ отвечать» (*Это очень важный вопрос, но данный аспект нами не анализировался*), «переадресование вопроса» (*Прекрасный вопрос, но данная проблема скорее находится в компетенции психолингвистики*), «мета-языковые комментарии вопроса» (*Это очень серьезный и важный вопрос, но, прежде чем его обсуждать, необходимо договориться, что мы будем понимать под дискурсом/категорией...*) и т.п. (см. подробнее ниже), и во-вторых, ее устойчивое использование в качестве ретардационного приема, который дает отвечающему возможность потянуть время и собраться с мыслями для информативного ответа, см. продолжение приведенного выше фрагмента:

А. Пятигорский: Нет, я как бы заранее с тобой согласен. Материал был на 90 %

западный. Его специфика по определению безусловно вторична. И все-таки для меня философски совершенно непонятно это обоснование, хотя возможность его я чувствую. Я его жду от тебя.

И. Смирнов: Это историческое, а не философское обоснование, и не нужно думать, что я выступаю как западник, который с чисто западной точки зрения пытается определить, что такое Россия. Тоталитарная культура не была преодолена, она продолжала существовать. И тот постмодернизм, который начал прорастать в это время в России, оставался культурой подполья, в то время как на Западе новая культурная эпоха (постмодернистская, постисторическая, постструктуралистская – термины в данном случае не важны) смогла развернуться без тех гигантских помех, которые чинил в России остаточный тоталитаризм.

В наиболее ритуализованных жанрах и ситуациях научной коммуникации (обсуждение доклада на конференции, дискуссия на защите диссертации) тактика зачастую принимает иллокутивную форму «благодарности за интересный вопрос»; наиболее типичны подобные «коммуникативные реверансы» в ситуациях относительно неравностатусного общения (например, в устах соискателя ученой степени, обращающегося к члену совета по защите диссертаций).

4. Критика вопроса.

В научной коммуникации данная тактика может реализоваться как указание на некорректный, неуместный, неактуальный, несодержательный, непроблемный, несвоевременный характер вопроса, ср.:

(5) *Е. И. Лиштованный:* Проводила ли ваша группа изучение неофициальных браков? Что творится на бытовом уровне?

В. И. Дятлов: Я бы разделил это. Брак – это государственно-правовое состояние, он определяет статус, вид на жительство и т. д. Это отношения человека и государства.

Межчеловеческие отношения – это отдельный аспект, другая плоскость проблемы. Некоторые браки подставные, но большая их часть реальные, настоящие. Исследовать внебрачные отношения, сами понимаете, сложно. И я не совсем понимаю, зачем. Я убежден в том, что в генах этнические качества не передаются. Этничность – это проблема культурная. Не важно, какой разрез глаз у человека, важно, в какой среде он воспитывается, растет и через какие механизмы социализируется. Поэтому мне представляется, что это вообще не проблема (Байкальский регион и геополитика Центральной Азии...).

(6) – Как быть с понятийным аппаратом, общим для логики и методологии?

– Не существует такого аппарата, хотя могут существовать и существуют попытки использовать понятийный аппарат логики в методологических целях. Но все вопросы такого рода при моем чисто системном подходе некорректны: ведь я работаю в чистых функционально-понятийных оппозициях, не отношу пока мои противопоставления к тому или иному онтологическому пространству. Поэтому все вопросы, касающиеся топики моих различий, преждевременны (Г. П. Щедровицкий. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач).

В отличие от политического и обыденно-бытового дискурсов, в научной коммуникации объектом негативной оценки практически никогда не становится коммуникативный партнер, т. е. автор вопроса, что полностью согласуется с общими аксиологическими стратегиями научного дискурса, в котором, по выражению Н. Д. Арутюновой, в фокусе «находится текст, а не его автор» (Арутюнова 1999, с. 611). Исключения из этого правила крайне редки и наблюдаются только в тех ситуациях, когда оппоненты (или один из оппонентов) избирают подчеркнута конфронтационный способ речевого поведения, ср.:

(7) – *Но, может быть, здесь и проявляется та универсальная логика, о которой говорил Федоров?*

– *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для XX в. смешной и некультурной* (Г. П. Щедровицкий. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач).

Любопытно отметить, что в научной коммуникации критика вопроса не является препятствием для полноценного информативного ответа (по нашим наблюдениям такое продолжение критики вопроса редко встречается в обыденно-разговорном дискурсе и мало характерно для политического):

(8) – *Что за странный вопрос вы мне задаете?! Но отвечать-то надо, хоть он и странный <...>* (следует информативный ответ) (Г. П. Щедровицкий. Философия, методология, наука);

(9) – *Ваш вопрос лежит за пределами искренности и откровенности. Объясняю <...>* (следует информативный ответ) (там же).

5. Обыгрывание вопроса, т. е. использование вместо ответа того или иного способа языковой игры (построенного на полисемии, омонимии, синтаксической неоднозначности, деконструкции внутренней формы слова и т. п.).

В собственно научной коммуникации тактика, по-видимому, практически не используется², хотя возможна в коммуникативных ситуациях, в которых сочетаются признаки научного и непринуж-

денного обыденно-разговорного общения (например, в кулуарном научном общении).

6. Неполный ответ.

Неполнота ответа может признаваться самим отвечающим, который в таких случаях обычно считает необходимым объяснить эту неполноту (наиболее типичны здесь ссылки на сложность вопроса, отсутствие времени для полного, подробного ответ либо характер вопроса, уводящего в сторону от обсуждаемых проблем), ср.:

(10) – *Каковы соотношения между программой, алгоритмом и технологией?*

– *Это очень интересный вопрос. Частично я буду отвечать на него в следующем пункте доклада, но только частично, прошу иметь это в виду. Углубляться в эту тему я не буду, ибо она не лежит в русле намеченных мною рассуждений* (Г. П. Щедровицкий. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач).

В некоторых случаях интерпретация ответа как полного или неполного представляет собой сложную проблему, так как одна и та же формулировка вопроса может выражать разные коммуникативные потребности адресанта. Так, например, как указывается в «Русской грамматике-80», «предложения с такими словами, как *много, мало, далеко, близко, давно, недавно, часто, редко, долго, недолго, скоро, нескоро*, т. е. словами максимально обобщенных значений, в одних конситуациях требуют ответа-подтверждения или отрицания, в

² Впрочем, автор данной работы был свидетелем того, как на заседании совета по защите диссертаций один из членов совета, заметив в автореферате опечатку (*гетерегонный* вместо *гетерогенный*) обратился к соискателю с вопросом, что бы это слово значило. Пока смущенный соискатель собирался с мыслями, другой член совета парировал: «А что, есть такое слово! Гетерегонный – это тот, который гоняет гетер!». На наш взгляд, в данном случае возможность использования языковой игры мотивировалась в первую очередь характером вопроса. Трудно представить себе возможность широкого применения такого способа ответа в ситуации серьезной дискуссии при ответе на принципиальные вопросы.

других – ответа, содержащего конкретную информацию о том, что спрашивается» (Русская грамматика 1982, с. 395). Соответственно, если конситуация предполагает конкретный ответ, а отвечающий прибегает к ответу-подтверждению, такой ответ может быть интерпретирован как уклонение. Но, так как решить, какой именно ответ предполагается данной конситуацией, не всегда легко, интерпретация контекста как уклонения или неуклонения в подобных ситуациях зачастую носит вероятностный характер, ср. неоднозначную интерпретацию контекстов типа – *Вы давно работаете над этой проблемой?* – *Не очень/относительно недавно* (ср. *два месяца/три года*).

Еще большие трудности для оценки степени полноты ответа представляют контексты, конституируемые вопросами, в которых поднимаются серьезные теоретические проблемы. Действительно, как в принципе можно интерпретировать полноту/неполноту ответа, если речь идет о вопросах типа: *Как вы оцениваете состояние современной лингвистики? Какие лингвистические направления вы считаете наиболее перспективными и почему? Исчерпаны ли теоретические возможности классической структурной лингвистики?* На наш взгляд, в таких случаях оценка полноты/неполноты ответа становится абсолютно субъективной. См. характерные в этом смысле зачины замечательных по полноте и содержательности ответов на крайне общие вопросы после одной из лекций С. С. Аверинцева:

– *Четыре Евангелия говорят об одном и том же – жизнеописании Христа. Чем они различны, чем едины?*

– *Это – тема отдельной лекции. Скажу очень коротко, что давно выявлена тематическая близость трех первых Евангелий,*

которые называют «синоптическими». <...> (С. С. Аверинцев. Христианство в истории европейской культуры);

– *В чем основные различия православия и католичества?*

– *Это – опять-таки тема для особой лекции. Я предложил бы ясно различать два понятия, две антитезы, которые не просто смешиваются, а часто отождествляются в трудах верующих историков культуры или, тем паче, неверующих. <...> (там же).*

7. Возможная переадресация вопроса.

Тактика представлена в двух вариантах: вопрос переадресуется а) непосредственно коммуникативному партнеру (т. е. спрашивающему) либо б) третьему лицу (лицам).

В обоих случаях тактика может сближаться с тактикой «критика вопроса»; наиболее вероятно такое контаминирование для первого варианта, ср.:

(11) Б. С. Грязнов: *Но что здесь означает «внутри» и «снаружи»? В каком смысле вы спрашиваете? Должен ли я представлять себе дело так, что речь идет о пространственных отношениях? Если вы имеете в виду расхождения, то это опять-таки очень странно, и у меня будут по этому поводу вопросы.*

Г. П. Щедровицкий: *Но ведь все эти вопросы я должен был бы адресовать вам, потому что я лишь повторил ваш вопрос, заданный мне в самом начале доклада. Но я не буду настаивать на ответе, ибо, как я уже сказал, считаю сам вопрос некорректным* (Г. П. Щедровицкий. Об одном направлении в современной методологии).

8. Уход от прямого ответа через использование намека, метафоры, сравнения и т. п.

Данная тактика, достаточно широко представленная в политической и обыденно-разговорной коммуникации, в научном общении встречается относительно редко в силу требований, предъявляемых к соблюдению таких качеств общения, как

точность и ясность речи. Отношение к подобным «фигурам речи», маскирующимся под рациональную аргументацию, четко сформулировано С. С. Аверинцевым: «<...> Я стараюсь никогда не забывать о том, что любое поползновение употреблять метафоры, сравнения и эпитеты в функции доказательных аргументов погрешает против элементарной умственной честности» (Аверинцев 1996, с. 8). Поэтому если отвечающий ограничивается использованием таких «средств выразительности», то спрашивающий в принципе имеет основания расценить ответ как недостаточный и неудовлетворительный, см. следующий фрагмент, особенно показательный в том отношении, что недостаточность избираемого типа ответа хорошо осознается самим отвечающим:

(12) В. И. Купцов: *А что представляют собой эти организованности, которые методология передает другим организациям и сферам деятельности?*

Г. П. Щедровицкий: *Это очень хороший, совершенно законный вопрос, но я не уверен, что характер моего ответа удовлетворит вас. ... Можно сказать, что методология передает в другие деятельности слепки своего функционирования и развития. Вы можете воспользоваться здесь образом реки, прорывающей русло. Русло – это и есть то, что оставляет после себя река, то, что она, образно говоря, передает человечеству.*

В. И. Купцов: *Я хотел бы получить другого рода примеры и иллюстрации (Г. П. Щедровицкий. Об одном направлении в современной методологии).*

9. Переформулирование вопроса (с возможным ответом на вопрос в новой редакции), ср.:

(13) – *Технологии являются своеобразными регулятивами деятельности и мышления. А что является регулятивом технологий?*

– *Это очень интересный вопрос, но он*

выводит нас далеко за пределы обсуждаемой нами темы. Я бы сформулировала его так: «Технологии и деятельность. Деятельность и технологии». Именно в такой формулировке его, на мой взгляд, и надо обсуждать (Г. П. Щедровицкий. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач).

Интерпретация подобных ответов как уклонения отличается высокой степенью неопределенности. Вообще говоря, отвечающий коммуникант может совершенно искренне счесть формулировку вопроса неточной, нечеткой, не вполне адекватной, исправить неточность формулировки и вполне содержательно ответить (и даже заострить, сконцентрировать при этом эвристическую ценность вопроса и обсуждаемой проблемы в целом) – в таком случае вербальная реакция рассматриваемого типа не может трактоваться как уклонение. С другой стороны, переформулирование вопроса может быть хитростью отвечающего, который не в состоянии ответить на вопрос в предложенной редакции и вполне сознательно прибегает к уловке, чтобы расставить акценты так, как удобно ему; в последнем случае информационные потребности спрашивающего не удовлетворяются, а контекст в целом является прототипическим уклонением. Кроме того, здесь возможны и промежуточные случаи: например, отвечающий может прибегнуть к редактированию вопроса не столько потому, что он считает формулировку неадекватной или испытывает затруднения при ответе, сколько потому, что возможность ответа на вопрос в его собственной редакции позволяет ему более полно, ярко, аргументированно представить свою исследовательскую позицию и др. На наш

взгляд, последний вариант представлен в следующем фрагменте:

(14) *Линор Горалик: Мне хочется спросить присутствующего здесь писателя Асара Эппеля о том, что интуитивно напрашивается ощущение, что когда израильский писатель пишет о терроризме или жизни на территориях, или вот этих острых моментах, присутствующих в каждой семье, это действительно привлекает особое внимание, вызывает острую реакцию. Между тем, очень много превосходных текстов существует о совершенно не героических и мифогенных аспектах израильской жизни. Что происходит с этой литературой? Как она живет и как она читается?*

Эппель: Проблема здесь для меня в другой плоскости. Для меня существует такое понятие, как вещество текста. Я не знаю, какое вещество текста в израильской ивритоязычной литературе. Предполагаю, что поскольку у страны и у литературы есть культурологическая лагуна, называемая XIX веком, полагаю, что это литература недоформировавшаяся и литература, у которой нет необходимого для значительной литературы бэкграунда <...> (Израильская литература в России).

Решить, какая из возможных интерпретаций является правильной в конкретной коммуникативной ситуации, не всегда легко (во всяком случае, с позиции наблюдателя); по-видимому, самым надежным способом установить истину здесь могла бы стать интроспекция отвечающего. Кроме того, для трактовки подобных контекстов важна субъектная координата интерпретации: так, спрашивающий может считать, что он вполне содержательно ответил на вопрос, даже улучшив при этом его постановку, а спрашивающий имеет право расценивать реакцию партнера как уклонение.

10. Псевдоответ (преимущественно клишированные ответные реакции типа – *Зачем... ? – Так (просто так); – Ты куда?*

– *На кудыкину гору, – А как...? – Очень просто/А вот так, – В каком смысле? – В прямом и т. п.).*

Использование данной тактики в научной коммуникации, ограничиваются, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, приведенные клише имеют разговорный характер и неприемлемы в институциональном общении. Во-вторых, эта тактика зачастую моделирует ситуацию неравно-статусного общения, причем к уклонению прибегает коммуникант с более высоким статусом – большинство же языковых игр, реализуемых в научном дискурсе, строится (по крайней мере, формально) на паритетных началах (ср. замечание В. И. Карасика: «... характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину...» (Карасик 2004, с. 276).

11. Переключение темы.

В научной коммуникации данный тип уклонения может осуществляться как сознательно (такой вариант хорошо известен в риторике как уловка «подмена тезиса» и используется с целью скрыть неспособность содержательно ответить на заданный «неудобный» вопрос), так и ненамеренно (в ситуации, когда отвечающий действительно не вполне точно понял вопрос и отвечает не по сути, а «по поводу» вопроса, или просто увлекается собственной мыслью). По-видимому, последний вариант (коммуникант отвлекся, так как увлекся) представлен в следующем фрагменте:

(15) *А. Гордон: <...> У меня возникает, по моему, законный вопрос: виртуальный мир, в который мы сейчас перейдем, со всеми сложностями, необычностью восприятия его*

существования, зачем он нужен? Ведь он создан не просто как игра фантазии, а как некий инструмент, с помощью которого – что?

А. Н. Томилин: Совершенно верно. Конечно, очень много применений, очень много применений. А термин существует 20 лет всего лишь. Кстати, термин «виртуальная реальность» был введен сотрудником Эм-Ай-Ти – это Массачусетский технологический институт – Ланьером. Он же и музыкант, он же и руководитель некой фирмы по созданию средств дополнений к компьютерам, которые позволяют, собственно, и создавать виртуальную реальность. Перчатка, которая позволяет как бы ощущать контакт с объектом в виртуальном мире, была создана в его фирме.

И вот считается, что он этот термин привнес, но задолго до него тот же Рей Бредбери в середине века в произведении «Вельд» описал некую квартиру, где есть детская с телевизионной стеной. И вот дети там через эту телевизионную стену общаются с различными персонажами, и родители начинают замечать в детях ожесточенность, потому что там соответствующие сцены разыгрывались через эту телевизионную стену (Технологии виртуальной реальности).

В данном случае факт переключения темы совершенно очевиден (вопрос был связан с возможностями использования «виртуального мира», ответ же – после беглого псевдоответа «много, много применений» – оказывается полностью сосредоточенным на истории термина). Переключение темы может быть и более размытым, но тем не менее имеющим идентичные информационные последствия (проблема, находившаяся в фокусе вопроса, в ответе подменяется другой):

(16) *Б. В. Базаров: Как Вы считаете, что произойдет с этими остатками оборудования, запчастей и прочего советского оборудования?*

Дэмпбэрэл: Монголия технологически была очень зависима. К примеру, американцы начали поставлять бульдозеры, а потом в России стали делать запчасти, соответствующие нашему транспорту, они почти в 4 раза

дешевле. Монголия стала покупать запчасти у России (Байкальский регион и геополитика Центральной Азии...).

12. Подмена ответа метаязыковыми комментариями вопроса (чаще всего обсуждением употребления какого-либо слова в вопросе).

В прагматическом отношении интерпретация данного типа речевых действий опять-таки неоднозначна: с одной стороны, коммуникант может демагогически использовать метаязыковые комментарии с целью реализации стратегии уклонения; с другой стороны, использование терминологической рефлексии – особенно в тех случаях, когда речь идет о сложных научных феноменах (например, о таких лингвистических понятиях, как *значение, концепт, дискурс* и др.), – может быть следствием эпистемической корректности говорящего (в последнем случае, скорее всего, за терминологическими рассуждениями последует содержательный ответ) или просто ретардационным приемом, позволяющим отвечающему собраться с мыслями. Кроме того, как и в примере (15), отвечающий может увлечься изложением важных для себя идей, так или иначе связанных с заданным вопросом, ср. следующий фрагмент, в котором говорящий переходит от метаязыковых комментариев по поводу «модели» к метаязыковым комментариям по поводу «мы», перемежая их рассуждениями на тему «мышления», «понятия» и др.:

(17) – *Но это же модель природы, да?*

– *А вот теперь надо ответить на вопрос: а что же такое модель? Понятие надо иметь. Мы же народ без понятий, поэтому нам надо иметь простые заменители, чтобы одно соответствовало другому. Тогда нет проблем, тогда не надо понятий, тогда мыслить не надо. Знаешь, что одно соответствует*

другому. Но это – бессмыслица, это – работа первобытных людей, коей мы и пытаемся все время заменить мышление. А как только вы начинаете мыслить, вы вынуждены обсуждать моделирование как процесс, природу модели, отвечать, что это такое. Когда я говорю «вы», я не имею в виду только нашу страну, я имею в виду всю современную цивилизацию... Включая Геттингенский университет и глубоко уважаемого господина Гилберта <...> (Г. П. Щеловицкий. Философия, методология, наука).

Как мы видим, контексты, в которых представлено уклонение от ответа на вопрос, отличаются не только много- и разнообразием, но и чрезвычайной прагматической сложностью. Для их адекватной интерпретации необходим комплексный учет целого ряда взаимосвязанных факторов, наиболее существенными среди которых нам представляются:

- эпистемическое состояние отвечающего (обладает/не обладает соответствующей информацией, имеет/не имеет сложившееся мнение, готов/не готов аргументировать свою позицию и т. д.);
- коммуникативные интенции и корректность речевого поведения отвечающего (стремится максимально полно удовлетворить информационные потребности спрашивающего; предпочитает, пользуясь вопросом как поводом, говорить о том, что интересно и важно для него; стремится любой ценой – в том числе и при помощи некорректных, демагогических уловок – сохранить «лицо» и под.);
- соблюдение коммуникантами основных требований, предъявляемых к таким качествам научной речи, как точность, ясность, логичность, толерантность (содержательная адекватность и четкость формулировок воп-

росов у спрашивающего, концентрация на сути задаваемого вопроса у отвечающего; умение избегать резких оценок и конфронтационных стратегий и т. п.).

При этом специфические особенности реализации тактик уклонения в научном дискурсе (выявляемые при сравнении с другими сферами коммуникации), а именно:

- **заметное ограничение использования** тех тактик, которые в принципе не ориентированы на удовлетворение информационных потребностей адресата и способны блокировать дальнейшее плодотворное развитие соответствующего фрагмента диалога («игнорирование вопроса», «немотивированный эксплицитный отказ от ответа», «псевдоответ») и преобладание тактик, предполагающих хотя бы частичное удовлетворение таких потребностей («неполный ответ», «переформулирование вопроса», частично «переключение темы»);
- **комбинирование речевых ходов**, способных реализовать функцию уклонения («критика вопроса», «признание релевантности вопроса», «метаязыковые комментарии вопроса»), с информативными ответами – свидетельствуют о том, что речевое поведение коммуникантов даже в ситуациях уклонения в целом подчиняется общим коммуникативным конвенциям данной коммуникативной сферы (соблюдение требований кооперативности, вежливости, толерантности) и соответствует ее основным коммуникативным интенциям, в том числе установке на совместное постижение истины и выработку общего знания.

Литература

АВЕРИНЦЕВ, С. С., 1996. Немного личного. *In: С. С. АВЕРИНЦЕВ. Поэты*. Москва, 7–16.

АРУТЮНОВА, Н. Д., 1999. Речеповеденческие акты и истинность. *In: Н. Д. АРУТЮНОВА. Язык и мир человека*. Москва.

ЗАДВОРНАЯ, Е. Г., 2002. Речевые тактики уклонения в повседневном общении. *In: Теория коммуникации. Языковые значения*. Вып. 2. Минск, 22–39.

КАРАСИК, В. И., 2004. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва.

МИХАЙЛОВА, Е. В., 1997. Конститутивные признаки научного дискурса. *In: Языковая личность: проблемы обозначения и понимания*. Волгоград, 95–96.

Русская грамматика. 1982. Т. II. Синтаксис. Москва.

РЯБЦЕВА, Н. К., 1989. Интеррогативность научного языка. *In: Логический анализ язык: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. Москва, 241–258.

ШЕВЧУК, А. В., 2004. *Прагмалингвистические особенности построения политического дискурса (сопоставительный анализ британских и русских информационных телеинтервью)*. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Томск.

ШЕЙГАЛ, Е. И., 2000. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград.

CLAYMAN, S.; HERITAGE, J., 2002. *The News Interview. Journalists and Public Figures on the Air*. Cambridge University Press.

CRYSTAL, D., 1995. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge.

JONES, B., 1992. Broadcasters, Politicians, and

the Political Interview. *In: Bill JONES; Lynton ROBINS, eds. Two Decades in British Politics*. Manchester University Press, 53–77.

Источники исследуемого материала

АВЕРИНЦЕВ, С. С., 2005. Христианство в истории европейской культуры. *In: С. С. АВЕРИНЦЕВ. Другой Рим*. Санкт-Петербург, 276–314.

Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы. Материалы международного семинара-совещания. Иркутск, 2004. Стенограмма дискуссии. Электронный ресурс. Сайт Иркутского межрегионального института общественных наук. Режим доступа: <http://mion.isu.ru/pub/bgca/stenogram.html> [См. 14.06.2006].

Израильская литература в России. Материалы круглого стола. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://eshkol.ru/news/21-01-2006-131.html> [См. 14.06.2006].

ПЯТИГОРСКИЙ, А. М., 1996. О времени в себе. Шестидесятые годы – от Афин до ахинеи (Беседа с Игорем Смирновым). *In: // А. М. ПЯТИГОРСКИЙ. Избранные труды*. Москва, 318–335.

Технологии виртуальной реальности. Стенограмма дискуссии В. О. Афанасьева с проф. А. Н. Томлиным (4-го апреля 2003 года, НТВ, программа А. Гордона). Электронный ресурс. Сайт Института физико-технической информатики. Режим доступа: <http://www.icpt.su/?fl=360&doc=886> [См. 14.06.2006].

ЩЕДРОВИЦКИЙ, Г. П., 1997. *Философия. Наука. Методология*. Москва.

Jelena G. Zadornaya

Minsk State Linguistic University

COMMUNICATIVE QUESTION EVASION TACTICS IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Summary

The article is centered on the forms of realization of communicative question evasion tactics in scientific discourse. In total, 12 tactics are singled out

and analyzed (ignoring the question, explicit refusal to answer, criticism of the question, rephrasing of the question, topic switching, etc.). The analysis of the tactics results in defining the communicative pragmatic factors that account for the specificity of their realization in scientific communication: the responder's epistemic state, his/her situational communicative intensions, etc. The author shows that the participants' communicative behavior in the situation of question evasion on the whole com-

plies with common communicative conventions governing scientific discourse (the demands for cooperation, politeness, tolerance) and conforms to its fundamental communicative intentions, including joint search for verity and the elaboration of knowledge.

KEY WORDS: scientific discourse, question evasion tactics, question, answer, communicative intention, information needs, epistemic states.

Gauta 2006 06 15

Priimta publikuoti 2006 07 05